

Ф.Г. Жарский

Платон Каратаев

Каратаев Платон — персонаж романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир», русский солдат, встреченный Пьером Безуховым в балагане для пленных, где он прожил рядом с ним четыре недели. Каратаев, по словам писателя, «остался навсегда в душе Пьера самым сильным и дорогим воспоминанием и олицетворением всего русского, доброго».

Каратаев носил французскую шинель, подпоясанную веревкой, фуражку и на ногах лапти. «Вся фигура Платона... была круглая, голова... спина, грудь, плечи, даже руки, которые он носил, как бы всегда собираясь обнять что-то, были круглые; приятная улыбка и большие карие нежные глаза были круглые». Каратаеву «должно было быть за пятьдесят лет», но «зубы его, ярко-белые и крепкие... были все хороши и целы; ни одного седого волоса не было в его бороде и волосах, и все тело его имело вид гибкости и в особенности твердости и сносливости».

Лицо Каратаева, «несмотря на мелкие круглые морщинки, имело выражение невинности и юности; голос у него был приятный и певучий». Он «никогда не думал о том, что он сказал и что он скажет», и это придавало интонации его речи «неотразимую убедительность».

Каратаев был физически так силен и вынослив «в первое время плена», что, «казалось, он не понимал, что такое усталость и болезнь». Он «все умел делать... Он пек, варил, шил, строгал, тачал сапоги. Он всегда был занят и только по ночам позволял себе разговоры... и пел песни».

Каратаев много рассказывает о своей прежней крестьянской жизни, употребляя во множестве поговорки и пословицы, «это были те народные изречения... которые получают... значение глубокой мудрости, когда они сказаны кстати». Ложась спать, он говорил: «Положи, Господи, камушком, подними калачиком», вставая утром: «Лег — свернулся, встал — встряхнулся». Он «пел песни... как поют птицы», потому что это ему было необходимо, как необходимо бывает потянуться или расходиться...». Каратаев «любил говорить и говорил хорошо... В его речи события самые простые... получали характер торжественного благообразия». Каратаев любил и сам слушать сказки и рассказы «о настоящей жизни». Привязанностей, дружбы, любви, как понимал их Пьер», Каратаев не имел, «но он любил, — отмечает Толстой, — и любовно жил со всем, с чем его сводила жизнь, и в особенности с человеком... Он любил свою шавку, любил товарищей, французов, любил Пьера... но Пьер чувствовал, что Каратаев... ни на минуту не огорчился бы разлукой с ним...». Остальные пленные считали Каратаева «самым обыкновенным солдатом», но для Пьера он навсегда остался «непостижимым... и вечным олицетворением духа простоты и правды». «...Жизнь его, как он сам смотрел на нее, не имела смысла как отдельная жизнь. Она имела смысл только как частица целого, которое он постоянно чувствовал».

При первой встрече с Каратаевым Пьер, потрясенный расстрелом «поджигателей», чувствовавший, что «в нем... уничтожилась вера и в благоустройство мира, и в человеческую, и в свою душу, и в Бога», увидел в нем лишь «маленького человека, присутствие которого Пьер заметил сначала по крепкому запаху пота». «...Человек этот разувался. И то, каким образом он это делал, заинтересовало Пьера». Движения его были «аккуратными, круглыми, спорными, без замедления следовавшими одно за другим». Пьер почувствовал «что-то приятное, успокоительное... в этих спорных движениях, в этом благоустроенном в углу его хозяйстве, в запахе даже этого человека...».

И в дальнейшем Пьер испытывает благоприятное воздействие слов и поступков Каратаева. Первые его слова, обращенные к Пьеру, были словами сочувствия, доброжелательства, утешения: «А много вы нужды увидели, барин? А?» «...И такое выражение ласки и простоты было в певучем голосе человека, – пишет Толстой, – что Пьер хотел отвечать, но у него задрожала челюсть, и он почувствовал слезы. «“...Не тужи, дружок: час терпеть, а век жить!” – продолжал Каратаев».

Каратаев угостил Пьера печеной картошкой, расспросил и сам рассказал о себе. Оказалось, что он был солдатом Апшеронского полка, «от лихорадки умирал» и пленен «из гошпиталя в Москве». На службе его прозвали Соколиком за то, что он часто обращается с этим словом к собеседнику. Каратаев очень переживает события войны: «...Москва, она городам мать. Как не скучать на это смотреть». И все же Каратаев верит в благополучный исход событий и выражает это пословицей: «Червь капусту гложет, а сам прежде того пропадает...» Он искренне огорчен тем, что у Пьера не было родителей, нет детей. Он не принимает пессимизма Пьера («да теперь все равно»): «...От сумы да от тюрьмы никогда не отказывайся...» В подтверждение этой истины Каратаев «рассказал длинную историю о том, как он поехал в чужую рощу за лесом и попался сторожу, как его секли, судили и отдали в солдаты». Но горе обернулось радостью: «Брату бы идти, кабы не мой грех. А у брата меньшого сам-пят ребят... Так-то, друг мой любезный. Рок головы ищет. А мы все судим: то не хорошо, то не ладно...»

Встреча с Каратаевым, разговор с ним, его рассказ о себе, его молитва на ночь привели Пьера к ощущению того, «что прежде разрушенный мир теперь с новой красотой, на каких-то новых и незыблемых основах, воздвигался в его душе». Пьер отказался от перевода из солдатского балагана в офицерский, ибо только здесь в общении с Каратаевым, через то, что он понял в Каратаеве, получил «успокоение и согласие с самим собою».

Разлученный французским конвоем с Каратаевым при выходе из Москвы, «Пьер с третьего перехода уже соединился опять с Каратаевым и... собакой, которая избрала себе хозяином Каратаева».

В пути Каратаев заболел лихорадкой, «слабел с каждым днем», тихо стонал, ложась на привалах, от него исходил «усилившийся запах». Ночью Каратаев «обыкновенно оживал от лихорадочного припадка и бывал особенно оживлен». Пьер услышал, как, «укрывшись... с головой шинелью... своим спорым, приятным, но слабым, болезненным голосом» Каратаев рассказывал солдатам историю, которую Пьер слышал от него уже раз шесть. «История эта была о старом купце, благообразно и богобоязненно жившем с семьей и поехавшем однажды с товарищем, богатым купцом, к Макарью». «Остановившиеся на постоялом дворе, оба купца заснули, и на другой день товарищ купца был найден зарезанным и ограбленным. Окровавленный нож найден был под подушкой старого купца. Купца судили, наказали кнутом, и, выдернув ноздри, ...сослали в каторгу». На каторге через «годов десять или больше того» старик рассказал товарищам, «как все дело было... Я, говорит, о себе не тужу. Меня, значит, Бог сыскал. Одно, говорит, мне свою старуху и деток жаль».

В компании слушателей-каторжан оказался «тот самый человек... что купца убил». Он признался в том, что «то самое дело сделал» и нож «под голова сонному подложил. Прости, говорит, дедушка, меня ты ради Христа».

«— Старичок и говорит, – продолжает Каратаев свой рассказ, – Бог, мол, тебя простит, а мы все, говорит, грешны, я за свои грехи страдаю».

Рассказывая, Каратаев «все светлее и светлее сиял восторженной улыбкой», «как будто в том, что он имел теперь рассказать, заключалась главная прелесть и все значение рассказа». Истинный убийца «объявился... по начальству». Но, «пока суд да дело», старичка «уж Бог простил — помер». «Таинственный смысл» рассказа Каратаева, «восторженная радость, которая сияла в лице Каратаева при этом рассказе, таинственное значение этой радости... смутно и радостно наполняло теперь душу Пьера», – заключает писатель.

На следующее утро после ночного рассказа о старом купце и раскаявшемся злодее Каратаев «в своей шинельке сидел, прислонившись к березе. В лице его, кроме выражения вчерашнего радостного умиления при рассказе о безвинном страдании купца, светилось еще выражение тихой торжественности». «Каратаев смотрел на Пьера своими добрыми, круглыми глазами, подернутыми теперь слезою, и, видимо, подзывал его к себе, хотел сказать что-то».

«Когда пленные опять тронулись... Каратаев сидел на краю дороги, у березы; и два француза что-то говорили над ним». Затем «...с того места, где сидел Каратаев, послышался выстрел», и «завыла собака». На следующем привале Каратаева уже не было среди пленных. Перед восходом солнца следующего дня пленных освободил отряд Денисова и Долохова.

Своим душевным выздоровлением Пьер во многом обязан Каратаеву, в общении с которым «в плену узнал, что Бог в Каратаеве более велик, бесконечен и непостижим, чем в признаваемом масонами Архитектоне вселенной. Он испытывал чувство человека, нашедшего искомое у себя под ногами, тогда как он напрягал зрение, глядя далеко от себя».

Каратаев стал теперь для Пьера критерием в оценке других лиц. Вспоминая князя Андрея, «он вспомнил о Каратаеве, о его смерти и невольно стал сравнивать этих двух людей, столь различных и вместе с тем столь похожих по любви, которую он имел к обоим, и потому, что оба жили и оба умерли».

Рассказывая своим близким о пережитом, он говорит о Каратаеве: «...Вы не можете понять, чему я научился у этого безграмотного человека-дурачка».